

ИНСТИТУТ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДИНАСТИЙ В КОНТЕКСТЕ КЛАНОВОГО КАПИТАЛИЗМА

ВОЛЬЧИК ВЯЧЕСЛАВ ВИТАЛЬЕВИЧ,

*доктор экономических наук, профессор,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: volchik@sfedu.ru;*

ПОСУХОВА ОКСАНА ЮРЬЕВНА,

*кандидат социологических наук, доцент,
Южный федеральный университет,
г. Ростов-на-Дону, Россия,
belloks@yandex.ru*

Цитирование: *Вольчик, В. В., Посухова, О. Ю. (2019). Институт профессиональных династий в контексте кланового капитализма // Journal of Institutional Studies, 11(4), 077-089. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.4.077-089*

Династии могут выступать фактором, влияющим на социальное и экономическое развитие в различных социальных порядках. В рамках данной статьи профессиональные династии рассматриваются как институт, структурирующий взаимодействия, связанные с профессиональной деятельностью, воспроизводством человеческого и социального капитала на основе родственных отношений и групповой идентичности. Конструктивное или деструктивное влияние династий на социально-экономическое развитие зависит от типа капитализма и его институциональной структуры. Социальные порядки в данной работе рассматриваются через призму концепции эволюции естественного государства. Среди форм капитализма, относящихся к зрелому естественному государству, рассматриваются: политический, государственный, клановый капитализм и хозяйственный порядок современного меркантилизма. Клановый капитализм как форма социального порядка развился из специфических особенностей институциональной среды – низкого уровня межгруппового доверия и доверия к социальным институтам. Клановый капитализм характеризуется государственным контролем за экономикой с деформированными рыночными институтами, созданием и поддержкой различного рода монополий для обеспечения стабильного получения институциональной ренты доминирующими группами. В условиях кланового капитализма как социального порядка институт династий связан с деятельностью групп специальных интересов, существующих за счет сильных родственных связей и получающих институциональную ренту. Группы, составляющие профессиональные династии, в явной или неявной форме стремятся к созданию и сохранению локальных профессиональных и административных монополий. Профессиональные династии могут рассматриваться также в конструктивном контексте как каналы передачи и сохранения человеческого капитала в специфических сферах, связанных с производством

нового знания и культурой и не предполагающих значительной институциональной ренты. В российских условиях проблема института династий приобретает значимость как отражение институциональной инерции в эволюции кланового капитализма, чем обеспечивается стабильность и преемственность элит.

Ключевые слова: институциональная экономика; профессиональные династии; естественное государство; клановый капитализм; группы специальных интересов; институциональная рента.

Благодарность. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФ проект № 19-18-00320 «Конструктивный и деструктивный потенциал профессиональных династий в российском обществе».

INSTITUTE OF PROFESSIONAL DYNASTIES IN THE CONTEXT OF CRONY CAPITALISM

VYACHESLAV V. VOLCHIK,

*Doct. Sci. (Econ.), Professor,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: volchik@sfedu.ru;*

OXANA Yu. POSUKHOVA,

*Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor,
Southern Federal University,
Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: belloks@yandex.ru*

Citation: Volchik, V. V., Posukhova, O. Yu. (2019). Institute of professional dynasties in the context of crony capitalism. *Journal of Institutional Studies*, 11(4), 077-089. DOI: 10.17835/2076-6297.2019.11.4.077-089

Dynasties matter as a factor affecting social and economic development in various social orders. In the framework of this article, professional dynasties are considered as an institution that structures interactions associated with professional activities, the reproduction of human and social capital based on kinship, and group identity. The constructive or destructive influence of dynasties on social-economic development depends on the type of capitalism and its institutional structure. Social orders in this paper are considered through the prism of the natural state evolution concept. Among the forms of capitalism related to a natural state are considered: political, public, crony capitalism, and the economic order of modern mercantilism. Crony capitalism as a form of social order has developed due to the specific features of the institutional environment – a low intergroup trust level and trust in social institutions. Crony capitalism describes an economic system in which the government controls the economy with deformed market institutions, through support to different types of monopoly to provide the dominant groups with the institutional rent. In those conditions, the professional dynasties as a social institution implies activities of special interest groups which exist due to strong family ties and benefit from the institutional rent. The groups that make up professional dynasties, explicitly or implicitly, seek to create and maintain local professional and administrative monopolies. Constructive approach, in turn, treats professional dynasties as the channels to transfer and preserve the human capital in specific areas, related to culture and generation of

the new knowledge, which do not imply significant institutional rent. Under Russian conditions, the problem of the institution dynasties acquires significance as a reflection of institutional inertia in the crony capitalism evolution, which ensures the stability and continuity between the elites.

Keywords: *institutional economics; professional dynasties; natural state; crony capitalism; special interest groups; institutional rent.*

JEL: *B52, B55, D73*

Acknowledgments. *The article is written with the assistance of Russian Science Foundation, Project № 19-18-00320 "Constructive and destructive potential of professional dynasties in Russian society".*

Постановка проблемы

Институт профессиональных династий характерен для разных социальных порядков. В советский период развития российского общества трудовые и профессиональные династии были довольно распространенным явлением. Однако в советской системе предпочитали говорить о трудовых династиях, которые рассматривались с положительными коннотациями, в отличие от широко распространенного неприятия династийности в советском обществе (Посухова, 2018, с. 89). Радикальные социальные трансформации при переходе к рынку привели к разрушению многих советских институтов, но институт профессиональных династий получил новое развитие уже в специфических условиях формирующегося российского капитализма.

Радикальные институциональные изменения в постсоветском обществе привели к формированию довольно стабильной разновидности капитализма – клановому капитализму. Концепт кланового капитализма начал широко использоваться в начале 2000-х гг. применительно к развивающимся странам (Haber, 2002), где группы со специальными интересами оказывали значительное влияние на политико-экономическое и социальное развитие своих стран. В рамках данной статьи мы делаем акцент на том, что институт профессиональных династий может рассматриваться как релевантный элемент институциональной структуры кланового капитализма.

Формирование профессиональных династий, например в бизнесе и политике, тесно связано с вопросом коррупции, который является частью проблематики кланового капитализма (Kaushik & Dutta, 2014). В рамках жестких бюрократических структур династии становятся логическим продолжением политики, связанной с насилием для защиты коррупционных схем, сопряженных с приватизацией и государственными контрактами (Zubaida, 2012, с. 574).

Разнообразие социального окружения и его динамичность также связаны с институтом династий. В условиях радикальных социальных и технологических изменений профессиональные династии разрушаются и адаптируются к новым условиям. В таких случаях они могут рассматриваться как фактор трансфера профессиональных знаний и специфических социальных ценностей. Так как в основе формирования династий лежат сильные родственные социальные связи, развитие института династий (особенно в бизнесе и политической сфере) оказывает скорее негативное влияние на процессы формирования порядков открытого доступа (North, Wallis, Weingast, 2009).

В разных институциональных условиях институт династий может нести как конструктивный, так и деструктивный потенциал для экономического и социального развития. Деструктивное влияние института династий связано, прежде всего, с формированием устойчивых групп интересов, участвующих в перераспределении и получении институциональной ренты. В системе кланового капитализма династии, связанные с реализацией различных форм политической, административной и

экономической власти, становятся одним из ключевых институтов, обеспечивающих стабильность социально-экономического порядка.

Профессиональные династии могут рассматриваться в положительном ключе в плане доступа к соответствующему образованию и в целом более глубокого включения в систему институтов и профессиональных ценностей в сферах, где требуется долгая и специфическая подготовка. Например, исследования британской промышленной революции показывают, что креативность и изобретательство, прежде всего, связаны с доступом к хорошему образованию (*Khan, 2018, с. 23–24*).

Институт профессиональных династий нельзя рассматривать в отрыве от институционального окружения и исторической специфики. Конструктивный потенциал профессиональных династий исследован гораздо лучше, так как во многом развивает традицию отечественной науки советского периода. Однако эволюция института профессиональных династий продолжается в условиях развития рыночного социального порядка, формирование которого в российских условиях имеет значимую специфику.

В рамках данного исследования профессиональных династий мы акцентируем внимание на выделении общих закономерностей, описывающих повторяющиеся социальные взаимодействия между лицами, включенными в «группу, характеризующуюся кровнородственными отношениями, в которой несколько поколений осуществляют свою профессиональную деятельность в одной сфере» (*Посухова, 2013, с. 100*).

Клановый капитализм как форма естественного государства

Развитие профессиональных династий связано с формированием устойчивых семейных ценностей, которые способствуют созданию среды, благоприятной для тех или иных видов деятельности. Такая среда формируется в рамках того или иного социально-экономического порядка. Большинство социальных порядков, в настоящее время присущих современной цивилизации, можно отнести к обобщенной капиталистической форме. Однако множество разновидностей капитализма, существующих в настоящее время, определяют важность исследования их институциональных особенностей, прежде всего, в контексте влияния на экономическое и социальное развитие.

Капитализм – это термин, который не очень часто используют современные экономисты и социологи. Тем не менее большинство современных экономических систем капиталистические, но это разный капитализм. Здесь есть несколько моментов, которые осложнены тем, что понимается под современным капитализмом или капитализмами.

Первый момент – это само понятие капитала. В современной экономической теории существует множество «капиталов»: человеческий, социальный, интеллектуальный (*Coleman, 1988; Augier, 2005; Вольчик и Кривошеева-Медянцева, 2016*). Применение концептов «капиталов» связано скорее с использованием метафоры, например, как в случае с концептом «эволюции» в экономической теории. Действительно, человеческий и социальный капиталы сильно отличаются от концепта капитала в понимании А. Смита и даже от более ранних трактовок капитала как денежных средств, инвестированных в бизнес (*Hodgson, 2014*).

Очень трудно (и, наверно, невозможно) привести «чистое» или «самое научное» определение капитализма. Капитализм, прежде всего, ассоциируется со следующими понятиями: частная собственность, накопление капитала, свободный рыночный обмен, конкурентные рынки, наемный труд.

Эволюция капитализма соотносится с изменениями во всех сферах, но прежде всего, в сфере занятости и связанных с ней технологий как физических, так и социальных. Изменения в сфере занятости связаны с развитием и трансформацией сферы образования. Образование и воспитание человека становятся сами по себе огромной индустрией, требующей квалифицированных кадров и значительных ресурсов.

Однако в современном мире множество разновидностей капитализма не позволяют использовать преимущества рыночной организации экономики для стабильного и сбалансированного развития социума. Поэтому, прежде всего, разные формы периферийных по отношению к развитым странам капитализмов характеризуются специфическими институтами. Такие институты создают условия, в которых клановые структуры практически приватизируют государство, подавляющее рыночные процессы, предпринимательскую инициативу и креативный потенциал конкурентного хозяйственного порядка. Клановый капитализм – это современная форма сохранения различных форм монополий во времени. Однако фундаментальные закономерности, присущие клановому капитализму, исследовались в рамках различных научных школ на протяжении XX в.

В конце XX в. начали появляться исследования, в которых отмечалось, что отставание латиноамериканских стран в экономическом развитии во многом определялось их специфическими капиталистическими институтами. Наличие частной собственности и рынков не создает автоматически предпосылок для развития. Известный перуанский экономист Э. де Сото предложил относить порядки, в которых формально существуют капиталистические институты, но преимущества рыночной координации не отражаются на экономическом развитии, к экономикам современного меркантилизма (Soto, 1989). Экономика современного меркантилизма представляет собой модификацию социального порядка, о котором много написано в трудах по экономической истории, и основным его признаком является убеждение, что экономические успехи могут быть достигнуты с помощью государственной регламентации любой хозяйственной деятельности, причем такая регламентация связана с монополизацией и личными интересами чиновников (Schmoller, 1896; Розенберг, Бурдцел, 1995; Хукс, 2003). Такое государственное вмешательство часто связано со слиянием экономических и политических элит и формированием клановых структур, играющих ведущие роли в экономике и политике. Клановые структуры в экономике современного меркантилизма позволяют элитам сохранять контроль за государственными структурами, что обеспечивает достаточную монополизацию и влияние на экономику для извлечения ренты. Фактически экономический порядок современного меркантилизма является разновидностью политического капитализма, известного в социологии уже более ста лет.

Впервые понятие «политический капитализм» использовал Макс Вебер. Согласно его определению: «Политический капитализм (*politisch orientierter Kapitalismus*) – капиталистическое предпринимательство, достигающее своих целей (получение прибыли) посредством государственных контрактов или путем сотрудничества с лицами, имеющими влияние на государственные решения». Извлечение выгоды от решений государственных органов в хозяйственной сфере возможно в том случае, если существуют группы с особыми интересами, в рамках которых действуют специфические институты с избирательными стимулами (Olson, 1965; 1982; 1995). Политический капитализм фактически представляет собой форму рыночного порядка, где различные группы, формирующие элиту, используют свое положение для перераспределения ресурсов в процессе реализации экономической политики (Holcombe, 2018, с. 69–71). Такая экономическая политика может сопровождаться демократической или националистической риторикой, но по своему содержанию она представляет вариант извлечения ренты в зависимости от принадлежности к тому или иному сегменту элит.

Ведущая роль клановой системы в организации и функционировании хозяйственного порядка стала ядром для теорий, объединенных концептом «кланового капитализма» или «капитализма для своих» (*crony capitalism*). Понятие клана как группы, имеющей кровнородственные связи, пришло из социальной антропологии и трансформировалось в настоящее время в сообщество, объединенное общими деловыми и политическими

интересами (Косалс, 2006). Формирование кланового капитализма как особого типа социального порядка связано с эволюцией соответствующей институциональной структуры, которая способствует снижению неопределенности будущего (Розмаинский, 2004, с. 60).

Формирование кланового капитализма тесно связано с развитием еще одной разновидности капитализма – государственного капитализма (state capitalism) (Aslund, 2019)¹. Самыми яркими примерами государственного капитализма являются экономики Китая, Бразилии и России, где значительная часть предприятий в таких отраслях, как транспорт, энергетика, тяжелая промышленность, финансы и коммуникации, контролируется государственными структурами (Bardhan, 2016, с. 883–884). Клановый, политический, государственный капитализмы и экономика современного меркантилизма могут рассматриваться как разные названия для одного и того же явления в эволюционной перспективе – государственного контроля за экономикой с деформированными рыночными институтами, создание и поддержку различного рода монополий для обеспечения стабильного получения институциональной ренты.

Клановый капитализм как форма социального порядка развился именно из-за специфических особенностей институциональной среды, которая характеризуется социетальной устойчивостью. Важнейшими особенностями такой институциональной среды являются: низкий уровень межгруппового доверия и доверия к социальным институтам; доминирование партнерских организаций (*adherent organizations*) (North, Wallis, Weingast, 2009); неразвитость организаций с обезличенными идентичностями, необходимых для обезличенных социальных взаимодействий.

Взаимодействия на уровне безличных идентичностей в рамках кланового капитализма сильно ограничены. Природа таких ограничений определяется спецификой социального капитала. В клановой системе стабильно существуют институты (например, местничество, nepotism), которые дают значимые преимущества индивидам с определенными групповыми идентичностями (Akerlof, Kranton, 2010). Проблема идентичности тесно связана с устойчивыми институтами, которые определяют социальные статусы и роли и не могут быть изменены в краткосрочном периоде.

В клановой системе участники партнерских организаций решают проблему сохранения своих статусов, воспроизводства статусов и доступа к ренте. Сохранение и воспроизводство статусов лучше всего осуществляется при наличии родственных связей между членами той или иной группы. Поэтому в рамках кланового капитализма в политических и бизнес-сферах широко распространены семейственность, nepotism и династии, которые связаны с сохранением устойчивости доминирующих групп и олигархических структур (Varma, Hu, Bloomquist, 2016). Социальный порядок кланового капитализма как разновидности зрелого естественного государства может существовать в стабильном состоянии длительные периоды времени. В таких условиях институциональная структура политического капитализма адаптируется к внешним вызовам. Институт профессиональных династий может рассматриваться как характерный для кланового капитализма, обеспечивая стабильность элит и перераспределение институциональной ренты среди доминирующих групп со специальными интересами.

Институт профессиональных династий

Профессиональные династии можно рассматривать как институт, структурирующий взаимодействия, связанные с профессиональной деятельностью, воспроизводством человеческого и социального капитала на основе родственных отношений и групповой идентичности. Группы, составляющие профессиональные династии, в явной или неявной форме стремятся к созданию и сохранению локальных профессиональных и административных монополий, которые позволяют извлекать институциональную

¹ Aslund, A. (2019). Russia's Crony Capitalism. Yale University Press. (<https://doi.org/10.2307/j.ctvge61tr>).

ренту. Институт династий связан с функционированием формальных и неформальных ограничений, которые дают специфическую рыночную, административную и политическую власть группам, объединенным родственными отношениями, что на практике также связано с такими явлениями, как местничество, nepotизм и фаворитизм (Mocetti, 2016).

Релевантным институциональным фактором профессиональных династий (особенно в бизнесе) является институт наследования прав на материальные и нематериальные ресурсы, необходимые для осуществления профессиональной деятельности. В системе кланового капитализма проблема передачи собственности (как материальных, так и нематериальных активов) по наследству осложняется размытостью прав и высокими транзакционными издержками их передачи и спецификации (Нуреев, Рунов, 2002).

Частная собственность в такой системе принимает форму власти-собственности, что требует постоянной включенности в политические и бюрократические структуры и процессы (Нуреев, Латов, 2015; Вольчик, 2006). Невозможность или ограниченная возможность использовать ресурсы как классическую частную собственность создает условия для формирования групп интересов, связанных сильными социальными связями (например, различным родством). Такие группы могут принимать форму бизнес-династий, политических династий или их гибридов, что в условиях политического капитализма считается обычной практикой.

В социальном порядке кланового капитализма одним из сильных мотивов формирования династий является сохранение на протяжении значительных временных периодов доступа к институциональной ренте. В случае с государственными структурами и организациями мотив династической передачи своего статуса вполне понятен. В условиях, когда невозможна приватизация ресурсов, остается квазиприватизация статусов, дающих право на получение привилегий, дохода и ренты.

Важным представляется вопрос о том, можно ли рассматривать «наследование» профессиональных социальных ценностей, поведенческих паттернов и установок в рамках группы, относимой к династиям. Действительно, существуют исследования, где профессиональные ценности связываются с эволюцией профессиональной преемственности в профессиональные династии (Шаманин, Лапшин, 2019, с. 20). Однако в условиях кланового капитализма наследование профессиональных ценностей и компетенций проигрывает в эволюционной перспективе передаче в рамках династий административных, управленческих и политических статусов, связанных с получением институциональной ренты.

Феномен трудовых династий стоит несколько обособленно. Действительно члены трудовых династий, не обладающие административным ресурсом, не включены в отношения по получению институциональной ренты. Производственные династии как институционализированный способ обучения мастерству или ремеслу восходит к средневековым институтам гильдий и позволяет сохранять традиции, приемы и технологии в тех или иных сферах деятельности. Современные трудовые династии также могут рассматриваться через неформальные институты и организационные ценности, которые позволяют осуществлять управление и мотивацию на частных предприятиях различных форм собственности (Плеценко, 2017, с. 88).

Неслучайно одной из основных причин формирования и существования семейных династий на государственной службе (хотя необходимо отметить: закон создает определенные ограничения, связанные с конфликтом интересов) является значимость и престиж профессии в обществе (Воронина, Зайцева, Костина, 2019, с. 128). В рамках политического капитализма институционализированные статусы государственных служащих конвертируются в потоки доходов. В таких случаях существование профессиональных династий связано с сохранением доходов, принимающих различные денежные и неденежные формы.

В российской практике существуют формальные институты, которые должны способствовать укреплению института трудовых и профессиональных династий. Профессиональные династии в контексте их возрождения также упоминаются в распоряжении правительства РФ, посвященном воспитанию молодежи². Чаще всего меры по формированию и поддержке трудовых династий и института наставничества упоминаются в отраслевых соглашениях между профсоюзами и соответствующими министерствами и ведомствами. На данный момент таких действующих соглашений 16, причем практически во всех используется стандартная формулировка: «создание условий для психологической и социальной стабильности молодого работника, укрепления авторитета института семьи, формирования трудовых династий и института наставничества»³. В такой формулировке присутствует в явной форме проявление институциональной инерции, способствующей переносу советской профсоюзной риторики в настоящее время преимущественно рыночной российской экономики.

В российских условиях проблема института династий приобретает значимость как отражение двух процессов: институциональной инерции и эволюции кланового капитализма (Дементьев, 2005; Вольчик, Посухова, 2016; Розмаинский, 2009). Сохранение привилегий и статусов не только связано с получением институциональной ренты, их также можно рассматривать как специфический способ бюрократической координации в рамках экономического порядка, в котором рынки и рыночная координация существуют параллельно административным рынкам, что позволяет сохранять стабильность социально-экономического порядка (Кордонский, 2006; 2008).

В рамках профессиональных династий решается проблема солидарного поведения. В естественном государстве (North, Wallis, Weingast, 2009), разновидностью которого является клановый капитализм, институциональная структура и доминирующие партнерские организации не дают в достаточной мере проявляться солидарному поведению вне личных и персонифицированных связей. Солидарное поведение в таких условиях может рассматриваться как особая форма альтруизма, но только по отношению к группе. Поведенческие установки, базирующиеся на альтруизме, имеют значимые антропологические и эволюционные основания, так как приводят к выигрышу группы, а следовательно, и ее членов (Simon, 1993). Современные исследования социальных антропологов показывают, что предпосылка альтруизма не является иррациональной, если ее рассматривать в контексте группового поведения. Благодаря альтруистическому поведению решается проблема снижения издержек сотрудничества внутри группы, что повышает шансы самих групп в конкуренции за ресурсы и распространение своего влияния (Boyer, 2018).

В эволюционной перспективе важно рассматривать институт династий в динамике, что ставит перед нами несколько важных вопросов: какие функции в современном социуме выполняют профессиональные династии и какие изменения происходят с этим институтом? В разные исторические периоды династии выполняют различные функции. Если исходить из классификации естественного государства и государства открытого доступа, то наибольшее значение институт династий имеет в естественном государстве.

В рамках базисного и зрелого естественного государства институт династий связан, прежде всего, с сохранением монополии на групповые привилегии, власть и профессиональный статус, а уже потом с воспроизводством человеческого капитала и профессиональных ценностей. В социальных порядках, где обезличенные социальные взаимодействия затруднены, необходимо воспроизводство статусов и привилегий.

² Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года». (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_180402).

³ «Отраслевое соглашение по федеральным государственным бюджетным и казенным учреждениям, находящимся в ведении Министерства труда и социальной защиты РФ, на 2017–2020 годы» (утв. Общероссийским профессиональным союзом работников государственных учреждений и общественного обслуживания Российской Федерации, Минтрудом России 11.09.2017). (http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_279977).

Профессиональные династии можно в этом контексте рассматривать как одну из форм институциональной адаптации в социальных порядках, где еще не сформировались институты, необходимые для широкого распространения контрактных организаций (*contractual organizations*) в «нортовском» понимании. Клановый капитализм в этом контексте можно рассматривать как одну из современных форм зрелого естественного государства. В таком социальном порядке большинство организаций имеют партнерскую природу и связаны с государством. В таких условиях формирование политических и бизнес-династий можно рассматривать как форму институциональной адаптации, направленную на сохранение стабильности социально-экономического порядка кланового капитализма. Фактически в институциональных условиях порядка ограниченного доступа, каким и является зрелое естественное государство, клановые структуры или устойчивые группы специальных интересов создают адекватные стимулы для ограничения насилия (Норт, Уоллис, Уэбб, Вайнгаст, 2012, с. 12) и организации социальных взаимодействий, предполагающих стабильное получение ренты.

В условиях порядка открытого доступа профессиональные династии перестают играть ключевую роль в предоставлении привилегированного положения в рамках той или иной организации. Институт профессиональных династий связан с несколькими типами социальных факторов, связанных с карьерными траекториями: административными, компетентностными и ценностными. Все эти факторы могут использоваться акторами создания локальных монополий в рамках профессиональных сообществ или организаций. И если в рамках кланового капитализма доминирует административный фактор, то в рамках порядка открытого доступа он утрачивает свое значение.

Безусловно, даже в порядках открытого доступа существуют некоторые основания, поддерживающие возникновение и длительное существование профессиональных династий. Однако институт профессиональных династий, функционирующий в рамках порядка открытого доступа, не связан с получением институциональной ренты. Родственные связи перестают играть значимую роль в организациях при построении управленческой или профессиональной карьеры, что характеризует более конкурентные повторяющиеся социальные взаимодействия, чем при клановом капитализме как частном случае зрелого естественного государства.

Несколько заключительных замечаний

В эволюционной перспективе институт профессиональных династий является в определенном смысле социальным атавизмом. В динамичном, развивающемся порядке открытого доступа родственные связи не дают значительных преимуществ для передачи и накопления человеческого и социального капиталов. Однако сильные связи, характерные для родственных связей и первичных групп, сохраняют высокую адаптивную изменчивость и относительную эффективность института профессиональных династий в определенных социально-экономических порядках.

Институт профессиональных династий имеет особое значение в порядках, в которых обезличенные социальные и экономические обмены ограничены, значение родственных связей остается сильным. В системе кланового капитализма профессиональные династии становятся одним из каналов передачи и сохранения статусов, позволяющих участвовать в перераспределении ресурсов и извлечении институциональной ренты. В таком социальном порядке династии могут рассматриваться как фактор стабильности и преемственности. Влияние родственных связей на развитие организаций и социальных взаимодействий в системе кланового капитализма носит скорее деструктивный характер по отношению к экономическому развитию. Однако профессиональные династии могут рассматриваться и конструктивно в плане передачи и сохранения человеческого капитала в специфических сферах, связанных с производством знания и культурой и не предполагающих значительной институциональной ренты.

Понимание закономерностей эволюции института профессиональных династий связано с исследованиями коллективных действий в рамках групп интересов и организаций, где повторяющиеся социальные взаимодействия включены в родственные отношения. Значимым в этой связи является вопрос о влиянии династий на трансфер человеческого и социальных капиталов в контексте стабильности и эффективности социально-экономического развития. Важно также учитывать, что конструктивный и деструктивный потенциал профессиональных династий должен рассматриваться относительно эволюционно сложившейся институциональной и организационной структур конкретной формы социального порядка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вебер, М. (2016). Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: В 4 т. Т. 1. Социология. М.: Издательский дом ВШЭ. С. 378.

Вольчик, В. В. (2006). Эволюция административного регулирования в российской экономике и институт власти-собственности // *Terra Economicus*, 4 (4).

Вольчик, В. В., Кривошеева-Медянцева, Д. Д. (2016). Реформы в сфере высшего образования: роль институтов и социального капитала // *Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований)*, 8(2). DOI: 10.17835/2076-6297.2016.8.2.087-104.

Вольчик, В. В., Посухова, О. Ю. (2016). Прекариат и профессиональная идентичность в контексте институциональных изменений // *Terra Economicus*, 14(2).

Воронина, Л. И., Зайцева, Е. В., Костина, С. Н. (2019). Влияние факторов на возможности карьеры российских государственных гражданских и муниципальных служащих // *Вопросы управления*, 1 (37).

Дементьев, В. Е. (2005). Институциональная инерция и реформирование институтов // ГУУ, Вестник университета. Серия: Институциональная экономика, (1), 5.

Кордонский, С. (2006). Рынки власти: Административные рынки СССР и России. 2-е изд. М.

Кордонский, С. Г. (2008). Сословная структура постсоветской России. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 219.

Косалс, Л. Я. (2006). Клановый капитализм в России // *Неприкосновенный запас*, (6), 50.

Норт, Д., Уоллис, Д., Уэбб, С., Вайнгаст, Б. (2012). В тени насилия: уроки для обществ с ограниченным доступом к политической и экономической деятельности // *Вопросы экономики*, 3 (4)-31. (<https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-3-4-31>).

Нуреев, Р. М., Латов, Ю. В. (2015). Постсоветское институциональное развитие: в поисках выхода из колеи власти-собственности // *Мир России. Социология. Этнология*, 24 (2).

Нуреев, Р., Рунов, А. (2002). Россия: неизбежна ли деприватизация // *Вопросы экономики*, (6), 10–31.

Плещенко, В. И. (2017). Феномен трудовой династии на производственном предприятии: история и современность // *Черная металлургия*, вып. 11.

Посухова, О. Ю. (2013). Профессиональная династия как результат семейных стратегий: инерция или преемственность? // *Власть*, (12).

Посухова, О. Ю. (2018). Роль профессиональных династий в академической среде российского общества // *Власть*, (7).

Розенберг, Н., Бирдцел-мл., Л. Е. (1995). Как Запад стал богатым. Экономические преобразования индустриального мира. Новосибирск. С. 140.

Розмаинский, И. (2009). Неопределенность и институциональная эволюция в сложных экономических системах: посткейнсианский подход // *Вопросы экономики*, (6), 48–59.

Розмаинский, И. В. (2004). Основные характеристики семейно-кланового капитализма в России на рубеже тысячелетий: институционально-посткейнсианский подход // *Terra Economicus*, 2 (1).

Хикс, Дж. (2003). Теория экономической истории. М. С. 205.

Шаманин, Н. В., Лапшин, В. Е. (2019). Психологические особенности профессионального самоопределения в трудовых династиях в федеральной службе исполнения наказаний // *Прикладная юридическая психология*, (2).

Akerlof, G., Kranton, R. (2010). *Identity Economics: How Identities Shape Our Work, Wages, and Well-Being*. Princeton, NJ: Princeton University Press. DOI:10.1515/9781400834181.

Aslund, A. (2019). *Russia's Crony Capitalism*. Yale University Press. (<https://doi.org/10.2307/j.ctv9c61tr>).

Augier, M. (2005). An Economics Perspective on Intellectual Capital. In *Perspectives on Intellectual Capital* (pp. 3–27). Elsevier. (<https://doi.org/10.1016/b978-0-7506-7799-8.50006-1>).

Bardhan, P. (2016). State and Development: The Need for a Reappraisal of the Current Literature // *Journal of Economic Literature*, 54 (3), 862–892. (<https://doi.org/10.1257/jel.20151239>).

Boyer, P. (2018). *Minds make societies: How cognition explains the world humans create*. Yale University Press.

Coleman, J. S. (1988). Social capital in the creation of human capital // *American journal of sociology*, 94, 95–120.

Haber, S. H. (2002). *Crony capitalism and economic growth in Latin America. Theory and evidence*. Hoover Institution Press.

Hodgson, G. M. (2014). What is capital? Economists and sociologists have changed its meaning: should it be changed back? // *Cambridge Journal of Economics*, 38 (5), 1063–1086. (<https://doi.org/10.1093/cje/beu013>).

Holcombe, R. G. (2018). *Political Capitalism*. Cambridge University Press. (<http://doi.org/10.1017/9781108637251>).

Kaushik, K. V., Dutta, K. (2014). Indian economy: Sifting through the winds of change. *Futures*, 56, 98–102. (<https://doi.org/10.1016/j.futures.2013.10.016>).

Khan, B. Z. (2018). Human capital, knowledge and economic development: evidence from the British Industrial Revolution, 1750–1930 // *Cliometrica*, 12 (2), 313–341. (<https://doi.org/10.1007/s11698-017-0163-z>).

Mocetti, S. (2016). Dynasties in professions and the role of rents and regulation: Evidence from Italian pharmacies // *Journal of Public Economics*, 133, 1–10. DOI:10.1016/j.jpubeco.2015.11.001.

North, D. C., Wallis, J. J., Weingast, B. R. (2009). *Violence and Social Orders*. DOI:10.1017/cbo9780511575839.

Olson, M. (1965). *The Logic of Collective Action*, Cambridge, Mass. Harvard Univ. Pr.

Olson, M. (1982). *The rise and decline of nations. Economic growth, stagflation and social rigidities*. New Haven, CT: Yale.

Olson, M. (1995). The Devolution of the Nordic and Teutonic Economies // *The American Economic Review*, 85, 22–27. (<https://doi.org/10.2307/2117885>).

Schmoller, G. von (1896). *The mercantile System and Its Historical Significance*. N.Y.; L.

Simon, H. (1993). Altruism and economics // *American Economic Review*, 83(2), 156–161. (<https://doi.org/10.2307/2117657>).

Soto De, H. (1989). *The Other Path*. Harper and Row Publishers Inc., New York.

Varma, A., Hu, B., Bloomquist, L. (2016). Family Oligarchies and Crony Capitalism in India. In *Crony Capitalism in India* (pp. 159–176). Palgrave Macmillan UK. (https://doi.org/10.1007/978-1-137-58287-4_8).

Zubaida, S. (2012). The “Arab Spring” in the historical perspectives of Middle East politics // *Economy and Society*, 41 (4), 568–579. (<https://doi.org/10.1080/03085147.2012.719299>).

REFERENCES

- Akerlof, G., Kranton, R. (2010). *Identity Economics: How Identities Shape Our Work, Wages, and Well-Being*. Princeton, NJ: Princeton University Press. DOI:10.1515/9781400834181.
- Aslund, A. (2019). *Russia’s Crony Capitalism*. Yale University Press. (<https://doi.org/10.2307/j.ctv9c61tr>).
- Augier, M. (2005). An Economics Perspective on Intellectual Capital. In *Perspectives on Intellectual Capital* (pp. 3–27). Elsevier. (<https://doi.org/10.1016/b978-0-7506-7799-8.50006-1>).
- Bardhan, P. (2016). State and Development: The Need for a Reappraisal of the Current Literature. *Journal of Economic Literature*, 54(3), 862–892. (<https://doi.org/10.1257/jel.20151239>).
- Boyer, P. (2018). *Minds make societies: How cognition explains the world humans create*. Yale University Press.
- Coleman, J. S. (1988). Social capital in the creation of human capital. *American journal of sociology*, 94, 95–120.
- Dementiev, V. E. (2005). Institutional Inertia and Institutional Reform. *GUU, University Herald, series Institutional Economics*, (1), 5. (In Russian).
- Haber, S. H. (2002). *Crony capitalism and economic growth in Latin America. Theory and evidence*. Hoover Institution Press.
- Hicks, J. (2003). *Theory of Economic History*. M. P. 205. (In Russian).
- Hodgson, G. M. (2014). What is capital? Economists and sociologists have changed its meaning: should it be changed back? *Cambridge Journal of Economics*, 38 (5), 1063–1086. (<https://doi.org/10.1093/cje/beu013>).
- Holcombe, R. G. (2018). *Political Capitalism*. Cambridge University Press. (<http://doi.org/10.1017/9781108637251>).
- Kaushik, K. V., Dutta, K. (2014). Indian economy: Sifting through the winds of change. *Futures*, 56, 98–102. (<https://doi.org/10.1016/j.futures.2013.10.016>).
- Khan, B. Z. (2018). Human capital, knowledge and economic development: evidence from the British Industrial Revolution, 1750–1930. *Cliometrica*, 12 (2), 313–341. (<https://doi.org/10.1007/s11698-017-0163-z>).
- Kordonsky, S. G. (2006). *Markets of Power: Administrative Markets of the USSR and Russia*. 2nd ed. M. (In Russian).
- Kordonsky, S. G. (2008). The estate structure of post-Soviet Russia. M, Institute of the Public Opinion, 219. (In Russian).
- Kosals, L. Ya. (2006). Clan Capitalism in Russia. *Emergency Ration*, (6), 50. (In Russian).
- Mocetti, S. (2016). Dynasties in professions and the role of rents and regulation: Evidence from Italian pharmacies. *Journal of Public Economics*, 133, 1–10. DOI:10.1016/j.jpubeco.2015.11.001.
- North, D. C., Wallis, J. J., Weingast, B. R. (2009). *Violence and Social Orders*. DOI:10.1017/cbo9780511575839.
- North D., Wallis J., Webb S., Weingast, B. (2012). In the Shadow of Violence: Lessons for Limited Access Societies. *Voprosy Ekonomiki*, 3(4)-31. (<https://doi.org/10.32609/0042-8736-2012-3-4-31>). (In Russian).
- Nureev, R., Runov, A. (2002). Russia: is Deprivatization Inevitable. *Voprosy Ekonomiki*, (6), 10–31. (In Russian).
- Nureev, R., Latov, Yu. (2015). Institutional Development in Post-Soviet Russia: in Search for an Escape from the Path-dependence of ‘Power-Ownership’. *Universe of Russia*, 24 (2). (In Russian).

- Olson, M. (1965). *The Logic of Collective Action*, Cambridge, Mass. Harvard Univ. Pr.
- Olson, M. (1982). *The rise and decline of nations. Economic growth, stagflation and social rigidities*. New Haven, CT: Yale.
- Olson, M. (1995). The Devolution of the Nordic and Teutonic Economies. *The American Economic Review*, 85, 22–27. (<https://doi.org/10.2307/2117885>).
- Pleshchenko, V. I. (2017). The Phenomenon of the Labour Dynasty at the Manufacturing Enterprise: the History and Up-To-Dateness. *Ferrous Metallurgy*, 11. (In Russian).
- Posukhova, O. Y. (2013). Professional Dynasty as a Result of Family Strategies: Is It Inertia or Succession? *Vlast' (The Authority)*, (12). (In Russian).
- Posukhova, O. Y. (2018). The Role of Professional Dynasties in the Russian Academic Environment. *Vlast' (The Authority)*, (7). (In Russian).
- Rosenberg, N., Beardzel-Jr., L. E. (1995). How the West Became Rich. Economic Transformations of the Industrial World. Novosibirsk. P. 140. (In Russian).
- Rozmainsky, I. V. (2004). Main Characteristics of Family-clan Capitalism in Russia on the Boundary of Centures: Institutional and Postkeynesian Approach. *Terra Economicus*, 2 (1). (In Russian).
- Rozmainsky, I. (2009). Uncertainty and Institutional Evolution in Complex Economic Systems: The Post Keynesian Approach. *Voprosy Ekonomiki*, (6), 48–59. (In Russian).
- Schmoller, G. von (1896). *The mercantile System and Its Historical Significance*. N.Y.; L.
- Shamanin N. V., Lapshin V. E. (2019). Psychological peculiarities of professional self-determination in the labor dynasties in the Federal Penitentiary Service. *Applied Legal Psychology*, (2). (In Russian).
- Simon, H. (1993). Altruism and economics. *American Economic Review*, 83 (2), 156–161. (<https://doi.org/10.2307/2117657>).
- Soto De, H. (1989). *The Other Path*. Harper and Row Publishers Inc., New York.
- Varma, A., Hu, B., Bloomquist, L. (2016). Family Oligarchies and Crony Capitalism in India. In *Crony Capitalism in India* (pp. 159–176). Palgrave Macmillan UK. (https://doi.org/10.1007/978-1-137-58287-4_8).
- Volchik, V. V. (2006). Evolution of Administrative Regulation in Russian Economy and the Power-Property Institute. *Terra Economicus*, 4 (4). (In Russian).
- Volchik, V. V., Krivosheeva-Medyantseva, D. D. (2016). Perceptions of Higher Education Reforms in Russia: the Role of Institutions and Social Capital. *Journal of Institutional Studies*, 8 (2). DOI: 10.17835/2076-6297.2016.8.2.087-104. (In Russian).
- Volchik, V. V., Posukhova, O. (2016). Precarity and Professional Identity in the Context of Institutional Change. *Terra Economicus*, 14 (2). (In Russian).
- Voronina, L. I., Zaitseva, E. V., Kostina, S. N. (2019). Influence of Factors on Opportunities of the Career of Russian State Civil and Municipal Employees. *Management Issues*, 1 (37). (In Russian).
- Weber, M. (2016). *Economy and Society*. Vol. 1. Sociology. Moscow: HSE Publishing House, 378. (In Russian).
- Zubaida, S. (2012). The “Arab Spring” in the historical perspectives of Middle East politics. *Economy and Society*, 41 (4), 568–579. (<https://doi.org/10.1080/03085147.2012.719299>).